

М. А. Жиркова¹, О. В. Капустина²

**«В НЕДРАХ НАРКОМПРОСА ЗАЯВЛЕНИЕ МОЕ ЗАТЕРЯЛОСЬ»:
ПРОШЕНИЯ И ХОДАТАЙСТВА О ПЕРСОНАЛЬНОМ
ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В.Г. УСПЕНСКОЙ –
ДОЧЕРИ Г.И. УСПЕНСКОГО**

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

² Отделение Фонда пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия

Поступила в редакцию 20.12.2022 г.

Принята к публикации 20.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7

64

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. «В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось»: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской – дочери Г.И. Успенского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 64–79. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7.

На основе архивных материалов рассмотрены проблемы пенсионного обеспечения Веры Глебовны Успенской (1877–1942), дочери писателя Г.И. Успенского, в 1923–1939 гг. Проанализировав частоту изменения размеров персональной пенсии Успенской, пенсионное дело которой было оформлено на ее отца, авторы установили, что все увеличения сумм пенсий связаны с личными заявлениями пенсионерки или ходатайствами ее брата, направленными в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР через посредников. В решении ее пенсионных проблем участвовали писатель с мировым именем А.М. Горький, нарком просвещения А.В. Луначарский, руководство Союза советских писателей и Литературного фонда. На примере документов можно увидеть, что в утвержденную законодательством трехступенчатую процедуру доверенного установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий республиканского значения (губернские (областные) органы – центральные органы – Комиссия НКСо РСФСР) был встроены институт посредничества, основанный на принципе личной известности посредников.

Ключевые слова: Г.И. Успенский, потомки, персональное пенсионное обеспечение, заслуги перед государством, ходатайство, авторский гонорар

Введение

Глеб Иванович Успенский (1843–1902) – писатель-народник, в произведениях которого нашла свое отражение российская действительность второй половины XIX в., – в настоящее время практически забыт читателями, хотя он, как пишет Н. Мещеряков, «по тонкости своих наблюдений и по глубине своего анализа стоял неизмеримо выше

всех других беллетристов шестидесятников и семидесятников этого времени, за исключением... Щедрина и Некрасова» [9, с. VII]. В первое же десятилетие после Октябрьской революции 1917 г. Г.И. Успенский был включен в перечень наиболее значимых для молодого советского государства литераторов, что обусловило возможность установления его потомкам персонального пенсионного обеспечения.

Персональное пенсионное обеспечение в РСФСР стало предоставляться лицам, имевшим исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, науки, искусства и техники на основании декрета Совета Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) РСФСР от 16 февраля 1923 г.¹ В 1928–1930 гг. правила назначения российских республиканских пенсий этого вида были уточнены², также в 1928 г. система персонального обеспечения была дополнена пенсиями союзного значения³. В случае смерти заслуженного лица персональные пенсии устанавливались его детям до достижения ими 18 лет, обучающимся в техникумах и вузах — до 25 лет. В необходимых случаях пенсия могла назначаться детям умершего кормильца, ставшим инвалидами после 18 или 25 лет, даже не находившимся на его иждивении.

В соответствии с циркуляром Народного Комиссариата Труда (Наркомтруд, НКТ) СССР от 23 октября 1923 г. ходатайства о назначении персональных пенсий вместе со всеми материалами, характеризовавшими заслуги претендентов, направлялись местными органами и учреждениями в центральные учреждения: по партийной линии — губернскими комитетами в Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (большевиков) (ЦК РКП/б/), по профессиональной линии — профсоюзами через ЦК соответствующего союза во Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), по заслугам в области науки, искусства и техники — в соответствующие наркоматы. Центральные учреждения в случае положительного решения вопроса перенаправляли все документы вместе со своим заключением в Комиссию по назначению персональных пенсий при Народном комиссариате социального обеспечения (Наркомсобес, НКСО) РСФСР⁴. Например, документы заслуженного российского педагога первоначаль-

¹ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1923. №15. Ст. 198.

² Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. №56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. №25. Ст. 325.

³ О персональных пенсиях: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Собрание законов СССР. 1928. №35. Ст. 315.

⁴ О порядке возбуждения местными органами и учреждениями ходатайств о назначении персональных пенсий и единовременных пособий: циркуляр НКТ СССР от 25 октября 1923 г. №125/103 // Известия НКТ СССР. 1923. №9/33.

чально рассматривались в губернском отделе народного образования, затем поступали в Народный комиссариат просвещения, и только после этого – в Комиссию при НКСО РСФСР.

Казалось бы, процедура назначения персональных пенсий проста и прозрачна, однако, в силу финансовых затруднений советского государства количество пенсионеров в целом и персональных в частности в 1920–1930-х гг. в России было невелико. По данным наркома социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына, при общей численности российских пенсионеров, достигавшей в 1927–1928 гг. 240 тыс. чел., персональными являлись всего 7 тыс., или 3 % [11]. Соответственно, заслуги претендентов на пенсии этого вида рассматривались весьма пристально. В связи с необходимостью доказать свое право на установление персонального обеспечения или на увеличение его размера сложилась практика личного обращения претендентов за поддержкой к руководителям советского государства, высокопоставленным чиновникам, известным общественным деятелям и деятелям культуры и искусства, которые, в свою очередь, могли ходатайствовать за них перед Наркомсобесом. В делах персональных пенсионеров появляются письма от откликнувшихся представителей власти, творческой интеллигенции и общественных организаций, содержащие описание заслуг претендентов и, что немаловажно, их тяжелого материального положения.

Сегодня, анализируя особенности персонального пенсионного обеспечения 1920-х – первой половины 1950-х гг., ученые подчеркивают, что «сам термин «особые заслуги» и «заслуги» был достаточно неопределенным» [25, с. 57]. Более того, по мнению В. Н. Мамяченкова, «упорядоченного персонального пенсионирования (как, впрочем, и пенсионирования в целом) в стране не было до 1956 года, когда в свет выходят два законодательных акта: Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 года и «Положение о персональных пенсиях» (утверждено постановлением Совета Министров СССР № 1475 от 14 ноября 1956 года)» [8, с. 395]. Тем не менее пенсионные дела персональных пенсионеров, назначенные в довоенный период, все больше и больше привлекают внимание исследователей.

Личное пенсионное дело персонального пенсионера представляет собой комплект документов, подтверждающих его право на установление пенсии данного вида, содержащих описание заслуг, материального положения, состояния здоровья (личные карты лиц, испрашивающих назначение персональной пенсии, автобиографии, биографии, акты материально-бытового обследования, свидетельства о болезни, о браке, о рождении детей и т. д.). Особый интерес вызывают письма-ходатайства известных советских и политических деятелей, а также деятелей культуры и искусства. Среди тех, чьи пенсионные дела в настоящее время рассмотрены: книговед и библиограф Н. А. Рубакин [26], организатор кинопроизводства, кинорежиссер и сценарист А. А. Ханжонков [1], племянница Ф. М. Достоевского М. А. Иванова [6] и его невестка Е. П. Достоевская [5], внучка Н. Г. Чернышевского Н. М. Чернышевская-Быстрова [7].

Дальнейшее изучение документов персональных пенсионных дел способствует выявлению новых, ранее неизвестных материалов, которые могут заполнить лакуны в биографиях как выдающихся деятелей русской культуры и искусства, так и их потомков, а также уточнению особенностей формирования системы советского пенсионирования.

Одной из самых интересных категорий получателей персональных пенсий являются нетрудоспособные потомки и родственники выдающихся российских писателей, поэтов, художников и композиторов, в частности, в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) хранится дело «персонального пенсионера республиканского значения» Глеба Ивановича Успенского, назначенное за заслуги писателя перед Советской Республикой его старшей дочери Вере Глебовне Успенской (1877–1942). Наиболее интересные документы дела следующие: заявление В.Г. Успенской в Совет Народных Комиссаров РСФСР от 25 декабря 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34], письмо Б.Г. Успенского А.В. Луначарскому от 5 июля 1926 г. [Там же, л. 24–24 об.], копия письма А.М. Пешкова от 23 июля 1931 г. [Там же, л. 9], заявление В.Г. Успенской в адрес наркома социального обеспечения РСФСР М.А. Шабуровой от 14 мая 1939 г. [Там же, л. 8] и ходатайство Литературного фонда СССР перед НКСО РСФСР от 23 мая 1939 г. [Там же, л. 6].

Задачи данного исследования — на материалах вышеназванного пенсионного дела уточнить условия жизни В.Г. Успенской в период с 1923 по 1939 г. и определить подробности процедуры установления ей персональной пенсии и ее последующего увеличения. Дополнительными источниками нам послужат советские нормативные акты, регулировавшие пенсионное обеспечение и охрану авторских прав, а также свидетельства современников и родственников о трудностях, выпавших на долю дочери писателя в довоенное время.

Установление пенсии

О старшей дочери писателя известно немного, обычно о ней говорят в связи с ее замужеством. Муж Веры Глебовны — Борис Викторович Савинков (1879–1925) — известный революционер-террорист, писатель и мемуарист, приговоренный к смертной казни как царским правительством в 1906 г., так и советским правительством в 1924 г. В семье родилось двое детей: сын Виктор (1900–1934) и дочь Татьяна (1901–?). После бегства Б.В. Савинкова за границу в 1906 г. связь с первой семьей прервалась, во Франции он женился во второй раз. О. Городецкая пишет: «в “Воспоминаниях террориста”, написанных Борисом Савинковым, среди имен его соратников по организации нет-нет да и появляется имя Веры Успенской. Автор пишет о ней с уважением и нежностью. К террору она отношения не имела, и только горькая участь жены человека, которого преследовали при самых разных режимах, связывала ее с Борисом Савинковым» [4]. В пенсионных документах Вера Глебовна значится как Успенская, а после гибели Б. Савинкова в 1925 г. сменил фамилию отца на фамилию матери и сын.

Закончившая Бестужевские курсы В.Г. Успенская после революции работала, по ее словам, в «Правительственных учреждениях гор. Петербурга»: в отделе Управления Петросовета [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34] — по-видимому, на невысоких служебных должностях. При этом она постоянно испытывала материальные трудности. О помощи ее семье в начале 1920-х гг. хлопотал К.И. Чуковский. В письме к А.В. Луначарскому в феврале 1923 г. он писал о необходимости поддержки родственников представителей дореволюционной творческой элиты: «Погибают с голоду те, имена которых Советская Республика любит и чтит. Погибают жены, сестры и дети замечательнейших русских деятелей. Им нужна немедленная помощь, хотя бы в виде пайка — и помощь сию минуту, не завтра, а сейчас» [28, с. 433]. Корней Иванович просил за сестру Н.А. Некрасова, жену и мать художника В. Серова, жену художника Л. Бакста. В конце письма после подписи добавлено имя Веры Глебовны Успенской как дочери писателя. Просьба Чуковского не осталась без внимания: все, о ком он просил, получили помощь в различной форме. В частности, В.Г. Успенскую перевели на более высокооплачиваемую должность в системе Наркомпроса [28, с. 434]. Кроме этого, чуть позже ей была назначена пенсия.

Постановление Совнаркома РСФСР (с пометкой «подлежит опубликованию») о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской стало одним из первых в республике. Совнарком вынес решение: «Установить дочери писателя Глеба Успенского Вере Глебовне Успенской пенсию сроком на пять лет в размере ставки по 17-му разряду тарифа ответственных работников по гор. Петрограду». Документ подписан заместителем председателя Совета Л. Каменевым 6 марта 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 32]. Исследовавший советскую систему привилегий английский историк М. Мэтьюс писал: первым актом, «на который я обратил внимание, было постановление СНК от 6 марта 1923 г. о назначении пожизненных пенсий... “14 активным участникам Морозовской стачки, людям, которые были зачинателями Революции”» [10, с. 59]. Таким образом, В.Г. Успенская оказалась в одном ряду с известными деятелями революционного движения.

По свидетельству брата Веры Глебовны Б.И. Успенского 17-й разряд ответственных работников по городу Петрограду на момент назначения ей пенсии был равен 75 руб. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24]. Для сведения: вышеупомянутым декретом СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. размер персональных пенсий устанавливался в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных советских и профессиональных работников по месту жительства лица, получавшего пенсию. Согласно «Правилам об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий и учреждений и хозяйств в РСФСР» от 17 июня 1920 г.⁵, оплата всех рабочих и служащих производилась по тарифам, утверждаемым Наркомтрудом. В 1923 г. в РСФСР действовала

⁵ Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР) : декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. №61 — 62. Ст. 276.

введенная годом раньше общая для всех работников 17-разрядная тарифная сетка. Ответственные работники, от членов Центрального Комитета Коммунистической партии до секретарей ячеек крупных предприятий, находились в интервале от 17-го до 12-го разряда включительно, технические работники и вспомогательный персонал — от 11-го до 1-го. Интересно, что племяннице Ф.М. Достоевского М.А. Ивановой установили персональную пенсию с 1 сентября 1923 г. в размере $\frac{1}{2}$ тарифной ставки 17 разряда ответственных работников в сумме 37 руб. 50 коп. [30, ф. А539, оп. 3, д. 1699, л. 4] (см. подробнее: [6]).

Двадцать пятого декабря того же 1923 г. В.Г. Успенская обращается в СНК РСФСР с заявлением о назначении пособия, обосновывая его необходимостью следующим образом: «В течение последних пяти лет я и дети мои жили исключительно личными заработками, сотрудничая в Правительственных Учреждениях гор. Петербурга. Вследствие болезни я вынуждена была оставить службу в Отделе Управления Петросвета, почему детям моим приходится усиленно работать, чтобы содержать и меня, что очень тяжело отзывается на их учебных занятиях и у меня нет надежды, что при создавшихся условиях они смогут закончить свое образование» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34]⁶. Можно предположить, что в силу каких-то причин перевод по службе, устроенный по ходатайству К.И. Чуковского, не состоялся. Скорее всего, Вера Глебовна оставила работу по причине слабого здоровья.

Далее следует обратить внимание на два момента. Во-первых, дочь писателя сетует на то, что отсутствие денежных средств не позволяет «довести до конца свою работу, посвященную изучению жизни и деятельности отца моего Глеба Ивановича Успенского» [Там же]. Во-вторых, называет свидетелей своего бедственного положения: «Указанные обстоятельства могут подтвердить тт. Раввич и Струмилини» [Там же]. Скорее всего, речь идет о Саре Наумовне Раввич (1879—1957), активной участнице революционного движения, первой жене Г.Е. Зиновьева, и о Станиславе Густавовиче Струмилине (1877—1874), известном советском экономисте, будущем академике. Традиция подчеркивать личное знакомство с авторитетными политическими или советскими деятелями, гипотетически способными подтвердить излагаемую в заявлении информацию, также начинает складываться практически сразу же после ввода в действие постановления от 16 февраля 1923 г. и продолжает использоваться в послевоенный период. Два показательных примера: в протоколе № 1 заседания Центральной Комиссии по назначению персональных пенсий и пособий НКССО РСФСР от 12 января 1925 г. при рассмотрении дела Гваншеладзе (инициалы не названы. — М.Ж., О.К.), члена РКП(б) с 1904 г., отмечено, что, по сообщению тов. Енукидзе, его знал т. Сталин как видного подпольного работника на Кавказе [30, ф. Р5528, оп. 1, д. 2, л. 2 об.]; в своей биографии персональный пенсионер республиканского значения В.М. Лермонтов, дальний родственник поэта, в июне 1946 г. написал: «В течение многих лет служил под нача-

⁶ Здесь и далее в цитируемых документах орфография и пунктуация подлинника сохранены.

лом маршала К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, которые хорошо меня знают» [30, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62 об.]. На рассматриваемом заявлении В. Г. Успенской стоит резолюция: «в комиссию по рассмотрению пенсий и пособий» [Там же, оп. 3, д. 860, л. 34].

В 1924 г. с целью проверки соответствия заслуг получателей требованиям законодательства в НКСО РСФСР провели первый пересмотр назначенных персональных пенсионных дел. По его результатам часть пенсионеров была лишена пенсий или переведена на пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца, устанавливаемых на общих основаниях⁷. Размеры пенсий в этих случаях были значительно меньше персональных (на 1 апреля 1923 г. средние нормы пенсий для инвалидов второй группы равнялись 4 руб. 90 коп., а для семей военнослужащих — 3 руб. 23 коп. [11]). Пенсию Веры Глебовны в размере 75 руб. сохранили, тогда как выплата персональной пенсии ее младшей сестре, Марии Глебовне, была прекращена и восстановлена в результате усиленного ходатайства НКВД в 1925 г. в уменьшенном размере (вместо 50 руб. — 40), с учетом заслуг ее мужа, архитектора Ленинградского комхоза С. С. Кричинского, умершего в 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24].

Ходатайство брата

Второй этап взаимоотношений В. Г. Успенской с пенсионным ведомством относится к 1926–1928 гг. Младший сын писателя литературовед Борис Глебович Успенский (1886–1951) 5 августа 1926 г. обратился с просьбой об увеличении размера пенсий своих сестер напрямую к наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому. В подшитом в пенсионное дело документе отсутствует фамилия адресата. Однако автор письма называет его «Анатолий Васильевич» и, излагая просьбу, рассуждает о документе, выработанном в Наркомпросе: «Поскольку до этого времени заработок мой несколько превышал минимум потребностей моей семьи и я имел возможность оказывать посильную помощь моим сестрам, — я не находил возможности поднимать перед Вами вопрос о реализации постановления, вынесенного Президиумом Коллегии Наркомпроса по Вашей инициативе о назначении усиленных пенсий моим сестрам, но теперь обстоятельства изменились. Усиленная работа последних лет привела меня к крайнему переутомлению, и я вынужден, по требованию врача, отказаться от части моих работ и это лишает меня возможности оказывать материальную помощь моим сестрам, что ставит их в необходимость ограничить свой бюджет пенсиями в указанном размере и ничтожными заработками их детей, не имеющих возможности (из-за службы) закончить своего образования и получить сколько-нибудь высокую квалификацию. <...> Я очень прошу изви-

⁷ О порядке урегулирования расчетов с лицами, получающими персональные пенсии на основании постановления СНК от 16 февраля 1923 г. : циркуляр НКТ РСФСР №68/1416, НКСО РСФСР №14 от 21 февраля 1925 г. // Известия НКТ СССР. 1925. №14.

нить за причиненное Вам беспокойство, но не вижу иного выхода из создавшегося положения, кроме личного обращения к Вам» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24–24 об.].

На документе стоят две резолюции. Первая, практически неразборчивая, возможно: «Поставить принятие (?)» подписана инициалами и указанием даты «А.Л. 13 / VIII». Вторая, сделана красным карандашом без подписи: «В комиссию по отбору пенсий. К 15 / VIII сообщить Успенской об этом деле и о возможности возбудить вопрос о пенсии. 13 / VIII».

Обращение к наркому не случайно. Анатолий Васильевич неоднократно помогал родственникам умерших литераторов в установлении персональных пенсий. В частности, в 1923 г. по ходатайству заведующих Зарайскими уездным и историко-художественным музеями А. В. Луначарский оказал содействие в назначении персональной пенсии племяннице Ф. М. Достоевского, дочери его сестры Веры Михайловны — М. А. Ивановой [6].

В своем обращении Борис Глебович конкретизирует просьбу: «Указанные обстоятельства ставят меня в необходимость обратиться к Вам с просьбой дать надлежащее направление постановлению Президиума коллегии Наркомпроса от 25 сентября 1924 года прот. № 27/239 — о назначении усиленных пенсий сестрам моим Марии Глебовне Кричинской и Вере Глебовне Успенской» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24 об.]. Что это за постановление и почему его не вводили в действие — нам не известно, тем более что Марию Глебовну именно в 1924 г. лишили ранее назначенной персональной пенсии. Кстати, в письме ходатай упоминает факт назначения Вере Глебовне пенсии в размере ставки ответственного работника в 1922 г. Скорее всего, это описка, так как декрет о персональных пенсиях и вышеупомянутое постановление Совнаркома от 6 марта были изданы в 1923 г. Однако в период с декабря 1921 г. до февраля 1923 г. действовал декрет «Об усиленных пенсиях»⁸, и можно было бы предположить, что Вере Глебовне перед назначением персональной выплачивалась усиленная пенсия. Но размер усиленной пенсии в пределах от средней до максимальной тарифной ставки местности, где проживал пенсионер, устанавливался только заслуженному гражданину, получавшему ее лично. Его нетрудоспособные родственники имели право только на две трети суммы. Соответственно, будем считать, что Борис Глебович ошибся с датой первичного назначения пенсии Вере Глебовне. В 1926 г. изменений в размере пенсии старшей дочери писателя не последовало.

В 1928 г. истек пятилетний срок, на который первоначально была установлена пенсия в 1923 г., но выплата пенсии В. Г. Успенской была продолжена. Вероятно, продление срока стало возможным благодаря нескольким факторам. Во-первых, заслуги ее отца-писателя по-прежнему являлись значимыми для советского государства, во-вторых, нельзя забывать о ходатайствах ее брата, и, в-третьих, к этому времени здоровье пенсионерки ухудшилось, что подтверждает имеющееся в пенсион-

⁸ Об усиленных пенсиях : декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. №80. Ст. 697.

ном деле заключение Бюро экспертизы Ленинградского подотдела медицинской экспертизы и контроля от 29 декабря 1926 г. Среди установленных диагнозов: артериосклероз, хроническая миокардия, малокровие, резкое плоскостопие, хронический ревматизм, склероз мозговых сосудов [Там же, л. 28 об.]. Несмотря на совокупность серьезных диагнозов, нетрудоспособной В.Г. Успенская признана не была. Ей установили пожизненно (без переосвидетельствования) третью группу инвалидности, которая позволяла работать.

Позднее, в мае 1939 г., Вера Глебовна писала в заявлении в НКСО РСФСР на имя наркома М. А. Шабуровой: «...в 1928 г. НКСО дал мне, как дочери писателя Глеба Успенского, персональную пенсию размером в 90 рублей» [Там же, л. 8]. Интересно, что в речи на II сессии ВЦИК XIII созыва в марте 1928 г. нарком НКСО РСФСР И. А. Наговицын озвучил следующие данные: на 1 апреля 1927 г. средний размер пенсии по инвалидности 2-й группы, назначенной на общих основаниях, составлял 14 руб. 37 коп., для семей военнослужащих — 14 руб. 21 коп. Средняя норма персональной пенсии в РСФСР, по его данным, озвученным в 1928 г. без привязки к конкретной дате, равнялась 55 руб. [11].

Переписка с Е. П. Пешковой и А. М. Горьким

Следующий виток пенсионной переписки В.Г. Успенской связан с именами Е. П. Пешковой и А. М. Горького. В 1925—1936 гг. Вера Глебовна неоднократно по различным вопросам обращалась к жене писателя Екатерине Павловне Пешковой [13]. В частности, речь шла о получении гонораров за публикацию произведений Б. В. Савинкова. Вдова упоминает издательства «Огонек» и «Прибой», где в 1920-е гг. вышли его книги [15; 17; 21; 23]. В эти же годы книги террориста выходили в Харькове [18; 22; 24] и за рубежом — в Варшаве [16; 19; 20], в Париже [14]. Но Успенские не получали гонорар за посмертное издание произведений Савинкова, на который рассчитывали. В качестве обоснования своей просьбы Вера Глебовна ссылалась на тяжелую болезнь сына Виктора: «мне не много нужно и, если бы не такая беда с Виктором Борисовичем, я бы не стала Вас беспокоить. Простите, дорогая Екатерина Павловна, и помогите мне» [13] (письмо от 1 февраля 1929 г.).

В 1931 г. Е. П. Пешкова передала А. М. Горькому письмо Успенской с просьбой об увеличении размера пенсии. Копия ответа писателя, заверенная печатью Литературного фонда СССР Союза советских писателей, хранится в пенсионном деле просительницы.

Уважаемая Вера Глебовна —
вчера Е. П. Пешкова передала мне Ваше письмо. Заявление об увеличении пенсии Вам завтра будет передано в Наркомпрос и можно надеяться, что дело это будет решено быстро и положительно. В письме Вашем Вы не указали начаты Вами «Воспоминания» или же Вы только предполагаете работать над ними. Воспоминания эти могла бы издать «Академия». Под работу над ними Вы могли бы получить аванс в размере до 1000 р. Будьте добры сооб-

щить Ваше мнение по этому поводу — и, если можно, — немедленно. Предложение Ваше «Академии» адресуйте на мое имя. Мне хотелось-бы устроить это дело до отъезда моего в провинцию. Мой адрес: Москва, Малая Никитская, 6. В предложении издательству укажите приблизительный размер книги. Желаю всего доброго. А. Пешков. 23. VII. 31 [30, ф. А639, оп. 3, д. 860, л. 9].

Несмотря на заверения писателя, его ходатайство не достигло результатов.

В 1934 г. к просьбам о помощи присоединяется младший брат — Борис Глебович Успенский, обративший внимание Е.П. Пешковой на то, что на руках у его сестры оказались больной безработный сын и внучка, а единственной материальной поддержкой семьи является ее пенсия в 90 руб. Борис Глебович также просит о возможной выплате гонорара на этот раз за издание книг отца — Г. И. Успенского.

Следующие обращения Веры Глебовны к Е.П. Пешковой в 1935 г. связаны с необходимостью выехать из Ленинграда «за 100 верст» ей, ее дочери и невестке. К этому времени ее дочь Татьяна Борисовна вышла замуж и родила девочку; а сына Виктора Борисовича в декабре 1934 г. расстреляли в числе 120 заложников после убийства С.М. Кирова. В 1935 г. В.Г. Успенская с родными выехала в Малую Вишеру, а с 1936 г. живет в д. Сябраницы Чудовского района Новгородской области в доме своего отца. В начале 1940 г. она вернется в Ленинград.

В мае 1939 г., в своем обращении в НКСО РСФСР Вера Глебовна так прокомментировала сложившуюся ситуацию: «В 1931 г. я написала заявление об увеличении мне пенсии и послала его письмом к А. М. Горькому. Вскоре я получила от Алексея Максимовича ответ, что заявление об увеличении мне пенсии передано в Наркомпрос и можно надеяться, что дело это будет решено быстро и положительно. А.М. Горький уехал лечиться. В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось и никакого ответа ни от секретаря Горького, ни из канцелярии Наркомпроса я не получила» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8].

В письме А.М. Горького озвучено предложение о возможности получения значительной денежной суммы в качестве аванса за публикацию воспоминаний Веры Глебовны о ее отце. Воспользовалась ли она этим предложением, из рассматриваемых документов непонятно. Интересный факт: в 1935 г. упомянутым Горьким издательством «Академия» была выпущена книга «Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам» [2]. В предисловии к ней составитель А.С. Глинка-Волжский выразил благодарность родственникам писателя: «Особенно полезное содействие было оказано семьей Г.И. Успенского — дочерью его Марией Глебовной Кричинской, сыном — Борисом Глебовичем Успенским и братом Иваном Ивановичем Успенским» [3, с. XX]. Позднее воспоминания Бориса Глебовича об отце вышли отдельным изданием [27]. Вера Глебовна составителем книги не упомянута.

Таким образом, ходатайство А.М. Горького не принесло результатов. Однако, как видно из процитированного выше заявления В.Г. Успенской, именно в 1935 г. размер ее пенсии благодаря хлопотам брата

был повышен до 120 руб. и на момент обращения в НКСО РСФСР в 1939 г. она получала 136 руб. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8]. Вероятно, обращение Б.Г. Успенского к Е.П. Пешковой все же сыграло положительную роль.

Помощь Союза советских писателей и Литературного фонда

Последний этап поиска решения пенсионных проблем В.Г. Успенской относится к 1939 г. В заявлении от мая 1939 г. В.Г. Успенская указала свой адрес (ст. Чудово Октябрьской железной дороги, дер. Сябренницы, дом-музей Г.И. Успенского) и пояснила: «Живу я в доме моего отца, нижний этаж которого занят под музей. Мне приходится самой отапливать занимаемое мною верхнее помещение. Никакой работы для приработка по моим силам в деревне Сябрянцы (правильно: Сябренницы. — М. Ж., О. К.) я найти не могу» [Там же].

Двухэтажный дом, купленный Г.И. Успенским в 1881 г., состоял из 8 комнат — четыре наверху, четыре внизу. Обычно родственники писателей, остававшиеся при домах-музеях, работали в них научными сотрудниками. В том числе внука писателя Н.Г. Чернышевского — Н.М. Чернышевская-Быстрова, которая «произвела огромное исследование рукописей своего гениального деда. <...> Весь этот колоссальный архив находится в Саратове в Доме-Музее, где жил Чернышевский. Н.М. Чернышевская является Заведующей этим музеем и работает не покладая рук с утра до ночи» [30, ф. А539, оп. 5, д. 33, л. 21 — 21 об.]. Другой пример: сестра писателя — М.П. Чехова — являлась хранительницей Ялтинского Дома-музея А.П. Чехова, ее культурно-просветительская деятельность была «чрезвычайно напряженной и охватывающей широкие кадры рабочих, учащихся и пр.» [Там же, оп. 3, д. 1864, л. 4]. В случае с созданным в 1935 г. музеем Г.И. Успенского, его первым директором стала вторая дочь писателя — Мария Глебовна Успенская, в замужестве Кричинская (1879 — 1943).

Официальное открытие музея состоялось в 1937 г. Это первый и единственный музей писателя Глеба Успенского, основанный по инициативе его детей. Помогая с реставрацией дома, они передали для экспозиции музея обстановку, личные вещи, архив писателя. Ранее, в 1906 г., рядом с домом по проекту старшего сына писателя Александра Глебовича была построена школа, в которой находился уголок памяти писателя, где были помещены серебряный венок от редакции журнала «Русское богатство», портрет Г.И. Успенского, гранки очерков, переданные в школу Марией Глебовной, а также посмертная маска писателя и фотографии его больничных комнат [12]. Все это было передано в музей. В утвержденном штате государственного музея числились всего два человека — директор и уборщица. Вере Глебовне рабочего места не досталось.

Далее в своем заявлении В.Г. Успенская с обидой пишет: «А на ряду с этим сочинения моего отца, Глеба Успенского, издаются Государственным Издательством Художественной литературы все время в боль-

ших тиражах. Это обстоятельство дает мне основание думать, что увеличение мне пенсии до такого размера, чтобы я могла жить сносно, не было бы обременительным для государства» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8].

Свое письмо В.Г. Успенская выслала не напрямую в НКСО РСФСР, а через посредника, в качестве которого выбрала Группком Госполитиздата, который, в свою очередь, перенаправил его собственному руководству. Поэтому ходатаями за дочь писателя перед Наркомсобесом выступили правление Союза Советских писателей и правление Литературного фонда (ЛФ) СССР. Письмо на бланке Литературного фонда СССР от 23 мая 1939 г. № 235 подписано членом Президиума советских писателей СССР Константином Фединым; за председателя правления Литфонда СССР расписался директор Литфонда Оськин. Союз писателей сообщил наркому М.А. Шабуровой, что он «горячо поддерживает их (Группкома. — М.Ж., О.К.) просьбу об увеличении В.Г. Успенской размера получаемой ею пенсии до 400 руб. в месяц» [Там же, л. 6]. На письме стоит резолюция наркома: «увеличить до 300 руб.» [Там же].

Обосновывая свою просьбу, авторы письма сослались на авторитет А.М. Горького, не забыв подчеркнуть, что «заявление затерялось где-то в недрах Наркомпроса» [Там же] и опять-таки сделали упор на отсутствие авторских отчислений с издаваемых произведений, но уже со ссылкой на конкретный нормативный акт: «Сочинения Глеба Успенского многочисленными тиражами издаются Госполитиздатом. Авторского гонорара дети его, в том числе и В.Г. Успенская, не получают, так как произведения Глеба Успенского объявлены для издания государственной монополией (постановление Наркомпроса РСФСР от 18/1-1923 года)» [Там же].

Действительно, постановлением Наркомпроса РСФСР от 18 января 1923 г. произведения 47 писателей, в числе которых наряду с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, Н.А. Некрасовым был указан и Г.И. Успенский, объявлялись государственной монополией для издания. Право издания перечисленных авторов было передано Наркомату просвещения. Всякие иные организации, государственные учреждения и издательства могли издавать произведения названных авторов лишь по договору с Наркомпросом в лице Государственного издательства и с его разрешения. Наследников произведений национализированных авторов полагалось вознаграждать согласно существующим законам⁹. Охрана авторских прав с 1928 по 1961 г. осуществлялась на основании совместного постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и СНК СССР «Основы авторского права»¹⁰, согласно которому срок ее действия был ограничен периодом жизни автора и 15 годами после его смерти. Поскольку Г.И. Успенский умер в 1902 г., пятнадцатилетний срок истек еще в 1917 г.

⁹ Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей : постановление Народного Комиссариата просвещения РСФСР от 18 января 1923 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1496.htm (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Основы авторского права : постановление ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. №27. Ст. 246.

Здесь нужно заметить, что ходатайства Литфонда и Союза писателей в поддержку потомков и родственников русских писателей составлялись неоднократно. Буквально через неделю, 31 мая 1939 г., в НКСО РСФСР было отправлено письмо ЛФ с просьбой о назначении персональной пенсии вдове А. И. Куприна, Елизавете Морицевне, также в размере 400 руб. [30, ф. А539, оп. 7, д. 2259, л. 18], и так же, как и Вере Глебовне, размер выплачиваемой ей пенсии составил 300 руб. Персональные пенсии республиканского значения в таком же размере в 1930-х гг. получали вдова внука Пушкина (Ю. Н. Пушкина) [Там же, оп. 6, д. 9671, л. 18], племянник композитора М. И. Глинки (А. Н. Глинка-Измайлов) [Там же, ф. Р3316, оп. 38, д. 64, л. 4], мать погибшего пионера Павлика Морозова (Т. С. Морозова) [Там же, оп. 28, д. 578, л. 1] и даже брат и сестра В. И. Ленина [Там же, ф. А539, оп. 3, д. 9248, л. 1 об.; оп. 4, д. 745, л. 1 об.]. Рассказывая о деятельности ЛФ СССР в 1930–1950-х гг. Э. М. Шнейдерман пишет, что наряду с писателями помощь оказывалась также их потомкам: «В добавление к пенсиям им тоже время от времени “подкидывали” разовые пособия» [29].

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что материалы пенсионного дела, назначенного Вере Глебовне за заслуги отца, писателя-народника Г. И. Успенского, содержат сведения о ее материальных проблемах, а также о проблемах, связанных со здоровьем, отсутствием работы и невозможностью получения детьми образования. Заслуживает внимания информация о поддержке, в том числе финансовой, со стороны ее младшего брата — Бориса Глебовича.

Анализируя частоту изменения размеров персональной пенсии В. Г. Успенской (1923 г. — 75 руб., 1928 г. — 90 руб., 1935 г. — 120 руб., на момент обращения в НКСО РСФСР в мае 1939 г. — 136 руб., с 1 июня 1939 г. — 300 руб.), видим отсутствие каких-либо периодических общегосударственных индексаций. Увеличения сумм пенсий связаны с личными заявлениями пенсионерки или ходатайствами ее брата, причем направленными в НКСО РСФСР через посредников. Также нужно заметить, что не все ходатайства достигали цели. В решении пенсионных проблем Веры Глебовны участвовали: писатель с мировым именем А. М. Горький, нарком просвещения в 1917–1929 гг. А. В. Луначарский, руководство Союза советских писателей и Литературного фонда. Нельзя забывать и о ссылке на товарищей Раввич и Струмилину.

Таким образом, на примере документов, содержащихся в персональном пенсионном деле В. Г. Успенской, оформленном на имя ее отца Успенского Глеба Ивановича, можно увидеть, что в законодательно установленную трехступенчатую процедуру довоенного установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий (губернские (областные) органы — центральные органы — Комиссия НКСО РСФСР) был встроены институт посредничества, основанный на принципе личной известности.

Сегодня привлечение высокопоставленных лиц к решению пенсионных проблем граждан сочли бы коррупционной составляющей, однако в первые десятилетия советской власти их ходатайства перед Нар-

комсобесом воспринимались как свидетельские показания, подтверждающие как факты биографий претендентов, позволяющие установить льготное пенсионное обеспечение, так и факты их тяжелого материального положения.

В заключение следует сказать, что, вероятно, одной из причин предоставления В.Г. Успенской персональной пенсии послужила необходимость какого-либо возмещения за отсутствие авторских отчислений.

Список источников и литературы

1. Бессолицын А.А. Личное дело персонального пенсионера СССР А.А. Ханжонкова как исторический источник // Научный вестник Крыма. 2021. №4 (33). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/750> (дата обращения: 01.02.2023).

2. Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжского; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935.

3. Глинка-Волжский А.С. От составителя // Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжского; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935. С. XI–XX.

4. Городецкая О. Успенские и Борис Савинков // Свежая газета. Культура. 2021. 21 янв. №1–2 (198–199). С. 54.

5. Жиркова М.А., Капустина О.В. О персональном пенсионном обеспечении Екатерины Петровны Достоевской, установленном за заслуги Ф.М. Достоевского перед советским государством (1927–1941 гг.) // Art logos. №4 (17). 2021. С. 6–15.

6. Жиркова М.А., Капустина О.В. О персональном пенсионном обеспечении М.А. Ивановой, установленном за заслуги Ф.М. Достоевского перед советским государством // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №2. С. 78–96.

7. Капустина О.В. «Человек она весьма хороший...» Дело об оформлении персональной пенсии Н.М. Чернышевской-Быстровой // Пропагандист великого наследия: сб. науч. тр. и матер. Саратов, 2020. С. 142–150.

8. Мамяченков В.Н. Персональные пенсии в СССР: из истории социальной политики Советского государства // Научный диалог. 2018. №12. С. 393–404.

9. Мещеряков Н. О душевной драме Глеба Успенского // Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжский; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935. С. VII–X.

10. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. №2–3. С. 45–61.

11. Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

12. Пажитнов Е. Родословная писателя Глеба Успенского. URL: <https://proza.ru/2018/03/14/39?ysclid=laf7toydy531264648> (дата обращения: 01.02.2023).

13. Переписка В.Г. Успенской, Б.Г. Успенского и Е.П. Пешковой. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000169.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

14. Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной. Париж, 1924.

15. Ропшин В. (Савинков Б.В.) Конь вороной / вступ. ст. Н.Л. Мещерякова. Л.; М., 1924.

16. Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.

17. Савинков Б.В. В тюрьме. Посмертный рассказ / предисл. А.В. Луначарского. М., 1925.

18. Савинков Б.В. Воспоминания террориста / предисл. Ф. Кона. Харьков, 1928.

19. Савинков Б.В. За Родину и свободу. На пути к «третьей» России: сб. ст. с предисл. и краткой биограф. автора. Варшава, 1920.

20. Савинков Б. В. Накануне новой революции : сб. ст. Варшава, 1921.
21. Савинков Б. В. Посмертные статьи и письма. М., 1926.
22. Савинков Б. В. Почему я признал советскую власть. Харьков, 1924.
23. Савинков Б. В. Рассказы. М., 1924.
24. Савинков Б. В. То, чего не было / под ред. В. И. Невского. Харьков, 1928.
25. Сивакова И. В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. — 1928 г.). М., 2015.
26. Столяров Ю. Н. Товарищ Рубакин — советский персональный пенсионер. Штрих к биографии великого библиоковеда и просветителя // Научные и технические библиотеки. 2017. № 4. С. 94 — 104.
27. Успенский Б. Г. Глеб Успенский. К столетию со дня рождения / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1944.
28. Чуковский К. И. Собр. соч. : в 15 т. М., 2013. Т. 14 : Письма (1903—1925) / сост. Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская ; общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской.
29. Шнейдерман Э. «Элитфонд»: О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930—1950 годы // Звезда. 2004. № 1. С. 161 — 186. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&prut=53> (дата обращения: 01.02.2023).
30. Государственный архив Российской Федерации.

Об авторах

Марина Анатольевна Жиркова — канд. филол. наук, доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

E-mail: manp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Ольга Владимировна Капустина — канд. ист. наук, Отделение фонда пенсионного и социального страхования РФ по Владимирской области, Владимир, Россия.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

M. A. Zhirkova¹, O. V. Kapustina²

**“MY STATEMENT WAS LOST IN THE DEPTHS
OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION”:
PETITIONS AND INTERCESSIONS FOR PERSONAL PENSION
PROVISION OF VERA USPENSKAYA, THE DAUGHTER
OF GLEB USPENSKY**

¹ Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
St. Petersburg, Pushkin, Russia

² Department of the Pension and Social Insurance Fund of Russia
in the Vladimir region, Vladimir, Russia

Received 20 December 2022

Accepted 20 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7

To cite this article: Zhirkova M. A., Kapustina O. V. 2023, “My statement was lost in the depths of the People's Commissariat of Education”: petitions and intercessions for personal pension provision of Vera Uspenskaya, the daughter of Gleb Uspensky, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 64 — 79. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7.

Based on archival materials, the article considers problems of pensions provision of Vera Uspenskaya (1877 – 1942) in 1923 – 1939 whose pension case was registered in the name of her father, the writer Gleb Uspensky. Having analyzed the frequency of changes in the size of Vera Glebovna's personal retirement benefit, the authors found that all the increases in pension amounts were related to personal applications of the pensioner or petitions from her brother, sent to the People's Commissariat of Social Security of the RSFSR through intermediaries. The world-famous writer Aleksey Gorky, People's Commissar of Education Anatoly Lunacharsky, leadership of the Union of Soviet Writers and the Literary Fund took part in the solution of her pension problems. Given the documents from the personal pension file of Vera Uspenskaya, one can see that in the legally established three-step procedure for the pre-war establishment and further increase of personal pensions of republican significance (provincial (regional) bodies - central bodies - the Commission of the NKSO of the RSFSR), an institution of mediation was built in, based on the principle of personal merit.

Keywords: Gleb Uspensky, descendants, personal pension provision, services to the state, petition, author's fee

The authors

Dr Marina A. Zhirkova, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg, Pushkin, Russia.

E-mail: manp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Dr Olga V. Kapustina, Department of the Pension and Social Insurance Fund of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russia.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>